

Леность как профессиональная болезнь. Ее сущность, причины и предупреждение

Предисловие

Настоящий очерк является одной из глав задуманного автором (и отчасти начатого составлением) популярного руководства по профессиональной гигиене, в котором вопросы охраны труда рассматривались бы не под углом зрения *приспособления* требований гигиены к техническим и организационным условиям производства, а наоборот, с точки зрения подчинения техники и организации правилам профессиональной гигиены.

В зависимости от того, что в капиталистическом производстве интересы хозяев преобладают над интересами рабочих, само развитие техники и организации тоже подчинено выгодам первых. Только упорной борьбой трудящимся удается шаг за шагом отвоевывать частичные улучшения в условиях труда, и то постольку, поскольку они не резко противоречат непосредственным интересам держателей капитала. О коренной перестройке всего общественного производства с целью объединения промышленного труда с земледельческим и умственного с ручным, — без чего, как это уже отметил Кропоткин, не может быть речи о действительном оздоровлении труда, в современных трактатах по профессиональной гигиене нет и речи. Слишком избитая истина, что только разностороннее и соразмерное функционирование всех психо-физиологических свойств человеческого организма может обеспечить трудящимся подлинное здоровье, а между тем официальная наука совершенно обходит молчанием этот основной вопрос, изопряясь на мелких и паллиативных мероприятиях.

Не имея материальной возможности, и даже не будучи уверен, что мне удастся когда-либо закончить задуманный труд, я попытался издать настоящий отрывок, сам по себе довольно цельный, в виде небольшой брошюры, и сдал рукопись в Главное Управление по делам печати (так у нас стыдливо называют старую цензуру). Через 40 дней получил резолюцию: «Не печатать».

Прочитав этот очерк, читатель тщетно будет искать истинную причину запрета. А между тем она очень проста.

Как-то во время своих предшествующих мытарств в цензуре я заметил заведующему одного из отделов печати при ЦК правящей Коммунистической партии:

— Как вы могли поставить во главе Главлита столь ограниченного человека, как Лебедев-Полянский?

На это он мне ответил:

— Что же, вы хотели бы, чтобы мы назначили туда умного человека?

«Неумный» человек с самого начала нового строя *бессменно* находится во главе развития общественной и даже научной мысли многомиллионного народа... Оградить государственный и даже частный капитал от критического анализа, — так понимает этот псевдо-рабочий пресловутую «диктатуру пролетариата».

Профессиональная гигиена обращает главное внимание на физико-химические моменты профессиональной вредности, отчасти также на биологические факторы, как макро- и микропаразитизм, но почти совершенно игнорирует одну весьма важную сторону профвредности — *психическую*.

Правда, психотехника вплотную подошла к изучению психических элементов труда, но выводы, которые эта наука делает из своих исследований, направлены не к обереганию психического здоровья трудящихся, а к наиболее рациональному использованию их способностей или, откровенно выражаясь, к наиболее выгодной эксплуатации их труда. Это происходит от того, что интересы нанимателей рабочих рук не всегда совпадают с требованиями охраны труда, особенно с более или менее отдаленными ее видами. Так например, профотбором мультитипльных телефонисток и установлением норм длительности их труда психотехника указывает лишь каким образом, по надлежащей подготовке, лучше и возможно дольше можно использовать данный персонал. Но как отразится в конце ряда лет эта однообразная и напряженная работа на психике трудящихся, об этом психотехника меньше всего заботится, по крайней мере в нынешней стадии своего развития.

Оно и понятно. Психотехника возникла в капиталистических странах, где рабочий рассматривается как своего рода *орудие* в процессе производства, которое надлежит использовать и *изнашивать* наиболее рационально, подобно остальным частям машинного оборудования. Там не производство для рабочего, создающего для самого себя ценности, а рабочий для производства.

К сожалению, капиталистические общественные отношения не изжиты еще в нашей стране государственного социализма, а потому советская психотехника сохранила дефекты своего происхождения.

Но помимо этого существенного недостатка, современная психотехника не приступила еще к систематическому изучению высших, более

сложных элементов психологии о приложении к труду, каковы, например, *инстинкты*. Во время существования анархической секции при Кропоткинском Музее мною была сделана попытка затронуть этот важный вопрос в особом докладе под названием «Этотехника», т. е. приложение этических инстинктов к организации труда. В настоящей статье я хочу остановиться на вопросе, который тесно связан как с простыми трудовыми рефлексам, так и с высшей психикой человека, — на вопросе о *лености*.

С того времени как наука изгнала злой «дух праздности» из обихода, мы должны рассматривать леность как расстройство сложного комплекса условных рефлексов, совокупность которых приводит к созданию полезных ценностей, и называется трудом.

Чтобы уяснить себе причины лености, т. е. задержания трудовых рефлексов, присущих нормальным людям и даже высшим животным, нужно раньше изучить, как эти рефлексы создаются и каковы те основные свойства труда, от нарушения которых трудовые рефлексы ослабевают или перестают проявляться.

Если причины, нарушающие нормальное проявление трудовых рефлексов, окажутся в самих условиях приложения профессионального труда, — что я надеюсь доказать в дальнейшем, — то мы должны будем признать леность как следствие вредных профессиональных условий, т. е. рассматривать ее как *профессиональную болезнь*.

Приведу теперь простейший пример, объясняющий происхождение и сущность труда, как условного рефлекса.

Всякое животное от болевого ощущения, например, причиняемого ударом, убегает, чтобы избежать боли. Это — безусловный рефлекс.

Если запряженную лошадь ударить кнутом, то она бежит и производит известную работу. В дальнейшем от одного вида кнута или от звука при щелкании кнутом, она рвется вперед, как бы стремясь избежать удара. Постепенно этот условный рефлекс ослабевает или, выражаясь научным термином, *угасает*. Чтобы оживить его, нужно возобновить удары кнутом. В данном примере работа лошади есть ни что иное, как условный рефлекс. Таковой, очевидно, была в буквальном смысле слова на начальных ступенях цивилизации и работа рабов. Недаром эти два слова этимологически происходит от одного корня.

Современная наемная работа является по существу видоизмененным трудовым рефлексом рабства. Разница лишь в том, что прямая физическая боль при наемном труде заменена страданиями от лишений — ограниченностью заработка, его урезыванием даже при невольных упущениях и угрозой расчета со всеми последствиями безработицы.

Но не одни болевые ощущения и иные виды страданий определяют координированные мышечные сокращения, присущие труду. Все осталь-

ные периферические окончания чувствительных нервов в воспринимающих органах в той или иной степени тоже участвуют в пробуждении и направлении трудовых движений, передавая внешние раздражения в мозговые центры, где они преломляются в виде *ощущений, представлений, сознания и мышления*.

Хотя наука еще не выяснила, каким образом физические раздражения вызывают или превращаются в психические явления, но связь между ними несомненна. На ней зиждется вся современная научная психо-физиология. Трудовые рефлексы относятся именно к таким психо-физиологическим явлениям. Между безусловными рефлексами, наиболее часто принимающими участие в создании трудовых условных рефлексов, наряду с болевыми раздражениями необходимо упомянуть способность к подражанию или *подражательный рефлекс*. Достаточно любому внешнему раздражению преломиться в мозговых центрах в виде ощущения, предоставления или мысли, чтобы оно объективно проявилось в форме тех или других движений, которые в наиболее законченных сочетаниях воспроизводят виденное или слышанное наподобие отражения в зеркале или эха от скалы. Charles Féré посвятил этому вопросу особый труд под заглавием «Sensations et mouvements» («Ощущения и движения»). Замечательно, что уже 150 лет тому назад Адам Смит обратил внимание на роль подражательных рефлексов в поведении человека. «Когда простой народ смотрит, — писал он, — на канатного плясуна, то поворачивает и наклоняет свое тело из стороны в сторону с плясуном, как бы чувствуя, что он должен был бы поступить таким образом, если был бы вместо него на канате».

Рядом с болевыми раздражениями и иными приемами причинения страдания, подражательность играет выдающуюся роль в деле привития тех координированных рефлексивных движений, которые называются обучением труду.

Этим двум приемам соответствуют два метода профессионального обучения: один — старый, принудительный, *авторитарный*, другой — новый, подражательный, *свободный*.

Основоположником второго метода по всей справедливости следует признать Роберта Оуэна, а в числе его последователей, развивших и усовершенствовавших метод *свободного трудового воспитания*, нужно упомянуть француза Робэна и трагически погибшего за свое свободомыслие испанца Феррера. На практике эти два метода обычно сочетаются в разных степенях.

Независимо от применяемого метода профессиональное обучение должно привести к созданию целого комплекса условных рефлексов, необходимых при выполнении труда. Если мы выявим посредством анализа трудовых процессов основные их свойства, т. е. ту совокупность условий, которые необходимы для осуществления производительной работы, то тем

самым мы найдем ключ к пониманию сущности лености. Ибо леность должна быть ни чем иным, как выпадением тех или иных звеньев из серии рефлексов, присущих всякому труду.

Каковы же основные свойства труда?

Обычно труд делят по двум общепризнанным признакам на *физический* и *умственный*, в зависимости от преобладания того или другого из этих двух элементов, причем авторы спешат оговориться, что между ними нет абсолютного разграничения и что во всяком труде в разной степени сочетаются эти два свойства. Ими, т. е. этими двумя качествами, не исчерпываются, конечно, основные свойства труда. Рассмотрим пока роль первого из них в трудовых процессах и выясним, каковы те условия мышечных сокращений, несоблюдение которых может затормозить проявление нормальных трудовых рефлексов, т. е. привести к лености.

Общеизвестно, что всякий труд, особенно физический, требует повышенного питания сверх той нормы, которая необходима организму для поддержания жизненных процессов. Чем интенсивнее труд, чем больше количество затрачиваемой рабочим механической энергии, тем питание должно быть более усилено. При несоответствии принимаемой пищи с затрачиваемой энергией интенсивность трудовых рефлексов понижается; человек начинает работать исподволь, с «прохладцей». Такова одна из причин, вызывающая понижение производительности труда, приписываемое обычно лени. Недаром тонкая народная наблюдательность отчеканила пословицу: «Лошадь нужно бить не кнутом, а овсом».

То, что по отношению к рабочей скотине признается общим местом, трюизмом, не всегда в достаточной мере принимается в расчет по отношению к людям. Когда речь идет о повышении производительности труда, то редко обсуждается вопрос, насколько размеры заработков данного места и времени соответствуют необходимому минимуму для правильного питания плюс добавок для более интенсивной работы. А вопрос об индивидуальных особенностях каждой отдельной семьи, — о числе едоков, которых должен кормить данный рабочий на свой заработок и при этом сам правильно питаться, — никогда даже не ставится. Один инспектор труда мне вполне откровенно говорил: «мы не даем рабочему прожиточного минимума». Это не мешало ему быть рьяным сторонником поднятия производительности труда во что бы то ни стало.

Недостаточное питание при низких заработках мы должны признать одной из главных причин лености. Последняя при этих условиях является спасительной реакцией организма для своего самосохранения. Если под влиянием других стимулов к работе, о которых будет речь ниже, человек все же продолжает проявлять излишек энергии (как, например, крестьяне в страдную пору), то это происходит уже за счет здоровья трудящегося. Последний худеет, ослабевает, а при длительности подобного перенапря-

жения в течение ряда лет это приводит к преждевременному изнашиванию организма, к ранней старости. Это нередко наблюдается у промышленных рабочих, плохо оплачиваемых, работающих сдельно и обремененных многочисленной семьей.

Но не от одного количества пищи зависит работоспособность человека. Большое значение имеет также качество пищи и ее усвояемость организмом. Неудивительно, что люди, страдающие хроническими желудочно-кишечными заболеваниями, более апатичны, менее трудоспособны, особенно к физической работе, иначе говоря, более ленивы.

В других случаях леность является попросту симптомом нераспознанной органической болезни, как например, малокровия.

Таковы главные физиологические моменты, вызывающие леность.

Но не меньшую, можно даже сказать, преобладающую роль играют в определении лености психические факторы. К их числу нужно отнести прежде всего *мышление*.

Нетрудно заметить, что даже самая простая мышечная работа не может быть выполнена без участия умственных способностей. Мысль является необходимым координирующим элементом произвольных мышечных движений как при наиболее грубом физическом труде чернорабочего, так и в легких колебаниях пера мыслителя. Люди, отроду тяжело больные в умственном отношении, как кретины и идиоты, не способны ни к какому серьезному физическому труду, несмотря на наличие у них достаточной мускульной силы, так как у них именно отсутствует более или менее связанное мышление и в особенности способность ориентироваться при изменяющейся обстановке.

Тогда как у животных способность к координированным трудовым рефлексам передается наследственно и лишь усовершенствуется жизненной практикой (так, птицы наследственно умеют вить гнезда, пчелы — лепить соты, муравьи — устраивать свои подземные ходы, и т. д.), человек должен обучиться труду при жизни. Очевидно, в силу изменчивости орудий труда и техники производства, трудовые условные рефлексy у человека не успевают закрепиться наследственно в виде безусловных рефлексов, называемых инстинктами. Правда, высокая мыслительная способность с лихвой пополняет этот пробел, но зато тем большее значение приобретает ее сохранность для ориентировки в изменчивых условиях производственного труда. Хотя и у человека после профессиональной тренировки многие детальныe трудовые процессы со временем совершаются с автоматичностью инстинктивных движений, тем не менее немало моментов даже при самом механизированном труде, когда понадобится участие мышления для ориентировки в окружающей обстановке. В таких случаях достаточно мышлению быть замедленным — либо от природной малой одаренности, либо от недостаточной упражненности — чтобы эта особенность

процесса мышления отразилась на темпе трудовых рефлексов и чтобы человек по этой причине прослыл «ленивым».

Но не одна быстрота мышления влияет на успешность труда. Ясность мысли при этом играет немалую роль.

Подобно тому как дети вяло втягиваются в новую игру, пока сами хорошо не усвоят ее приемы и ходы, так и рабочий, не представляющий себе ясно, что он должен делать, не отдающий себе отчета в общем плане работы, не может увлечься ею и приобретет репутацию ленивого, если суетливостью не замаскирует отсутствие ясности мысли у себя.

Этими двумя свойствами — физическим и умственным — не исчерпываются основные качества труда. Какое название дать труду музыканта, художника, скульптора, танцовщицы, драматического артиста?

Хотя тут проявляются в известной мере и физические движения, и умственное напряжение, но есть и новая особенность в созвучиях, воспроизводимых музыкантом, в сочетании красок художником, в воспроизведении форм скульптором, в движениях и в выражении чувств танцовщицей и артистом: это — ритмичность, гармония, красота, правдивость, всё то, что называется *эстетикой*.

Легко заметить, что всякий труд, даже требующий самого тяжелого, тягостного напряжения, красится эстетикой.

Так, бурлак тянет свою лямку под заунывное пение, отражающее его душевное настроение; косарь плавностью и ритмичностью движений как бы воспроизводит свойства танцев; кустарь, вырабатывая деревянную утварь, раскрашивает ее и придает изящные формы, если даже выделывает ее для собственного употребления.

На эстетику труда уже отчасти обращено внимание психотехникой, а именно, а именно в области ритмичности движений и влияния на работу звуковых гармоний, но лишь постольку, поскольку эти два фактора могут поднять производительность труда. Охрана же труда должна выдвинуть вопрос о соблюдении требований эстетики в полном объеме, как одно из условий психического здоровья трудящихся. В действительности капитал обычно игнорирует, что рабочий имеет все те потребности, на удовлетворение которых у других он заставляет его работать, в том числе, конечно, и эстетические. Капиталисты меньше всего заботятся о последней в процессе производства. Мало того, они преднамеренно и систематично нарушают самое основное условие проявления эстетики — ее *динамику*. Красота заключается не только в формах, красках, звуках, запахах или вкусах, но и в их гармоничном чередовании. А между тем современная промышленность в корне попирает эту основу эстетики чрезмерным разделением труда и вытекающим отсюда однообразием его. Поднимается ли в действительности этим путем производительность, об этом можно еще спорить, но что утрированное разделение труда убивает радость трудовой жизни и

приводит к нервным заболеваниям, в этом не может быть сомнения. Так, профессор Рыбаков указывает, что неврастения «особенно часто наблюдается... у лиц, обремененных тяжелой и притом однообразной работой».

Удивительно ли, что труд, лишенный эстетики, становится мало привлекательным, даже отталкивающим, замедляется в своем темпе и в конце концов приводит опять-таки к тому, что называется ленью.

Но вот еще одна категория явлений, которая выявляет новую особенность труда: какую оценку дать труду человека, бросающегося в воду, рискуя собственной жизнью, чтобы спасти утопающего? Как назвать труд врача, спешащего на помощь к заразному больному, сознательно подвергающего себя риску схватить самому опасную болезнь? Что сказать о труде пропагандиста, социального проповедника, подвергающего себя всевозможным лишениям, рискуя своей свободой и даже жизнью, чтобы распространять «свою истину», поселять семена добра и справедливости в обществе, для людей, которых он даже не знает?

Следовательно, труд, кроме физических, умственных и эстетических качеств, имеет еще нравственные свойства.

Нетрудно обнаружить, что нравственные качества проявляются не только в труде, требующем риска и самопожертвования, но и в самой обычной работе.

Не нравственное ли чувство побуждает человека трудиться всю свою жизнь, терпеть обычно самому лишения, чтобы прокормить свою семью и вырастить детей?

Даже принудительные работы менее тягостны, если они осмыслены и приносят кому-либо пользу. Бесплезная работа возмущает нравственное чувство и способна вызвать протест даже у самых покорных. Для иллюстрации можно было бы привести много примеров из недавнего прошлого, времен так называемого «военного коммунизма». Лучше ограничимся ссылкой на не менее характерные «картофельные бунты», описанные Герценом.

Дело происходило в начале прошлого века, когда только что научились сажать картофель в России.

«Крестьяне Казанской и долею Вятской губернии засеяли картофелем поля — рассказывает А. И. Герцен. — Когда картофель был собран, министерству пришло в голову завести в волостях центральные ямы. Ямы утверждены, ямы предписаны, ямы копаются, и в начале зимы мужики, скрепя сердце повезли картофель в центральные ямы. Но когда следующей весной их хотели заставить сажать *мёрзлый* картофель, они отказались. Действительно, не могло быть оскорбления более дерзкого труду, как приказывать делать явным образом нелепость. Это возражение было представлено как бунт».

В заключение, «довольно сказать, что дело дошло до пушечной картечи и ружейных выстрелов. Мужики оставили дома, рассыпались по ле-

сам, казаки их выгоняли из чащи, как диких зверей; тут их хватали, ковали в цепи и отправляли в военно-судную комиссию в Космодемьянск».

Сама возможность протеста со стороны безответного крепостного крестьянства красноречиво говорит за то, насколько огромно значение нравственного стимула для пробуждения трудовых рефлексов. Ибо какой же нравственный смысл мог иметь труд заведомо бесполезный, явно нелепый?

С другой стороны, наличие нравственной цели является мощным возбудителем труда. Выше мы видели, как в страдную пору этот стимул заставляет крестьянина работать свыше сил и нарушать свой физиологический баланс. То же самое зачастую наблюдается у многосемейных плохо оплачиваемых рабочих и ремесленников.

Нравственное побуждение прокормить свою семью заставляет чернорабочего браться за любую работу, под руководством десятников, не отдавая себе отчета, над чем и для чего он работает.

Поппирание эстетики нравственным стимулом и доказывать не приходится. Для любой, самой отталкивающей и нудной работы всегда найдется охотник, лишь бы она материально обеспечивала его и его семью. А рудокопы годами копошатся о своих подземных шахтах над работой, при которой даже трудно осуществить ритмичность движения, уж не говоря о более утонченной эстетике.

Нравственное чувство проявляется у рабочих даже по отношению к своему антагонисту — работодателю, если последний хорошо оплачивает их труд и корректно обращается с ними. Тогда они добросовестно работают на него, не хотят «даром есть хлеб». Но в тех случаях, когда оплата мизерна и, в особенности, не соответствует барышам хозяина, рабочие прибегают к преднамеренной лени, называемой саботажем¹. «По оплате и работа», говорят они.

Работодатели, с своей стороны, тоже пользуются нравственными инстинктами людей, привязанностью к своей семье, чтобы заставить их проявить максимальную производительность даже в ущерб здоровью, посредством системы *сдельной* оплаты труда.

Теперь, когда мы ознакомились с основными свойствами труда, не трудно определить сущность и причины лености. Под этим словом нужно понимать все степени понижения трудовых рефлексов вследствие нарушения основных их свойств, от наивысшей интенсивности до полного заторможения.

В случаях грубого нарушения основных свойств труда, явно делающих трудовые процессы невозможными, никто не говорит о лености. Голодного никто не винит за отказ от работы, — чернорабочего не называют

---

¹ У нас слово «саботаж» приняло за время революции расширенный и несколько искаженный смысл.

ленивым, если он, имея физическую силу, не делает того, чего не понимает, — отказ от отвратительной по виду и запаху работы тоже не считается проявлением лени, — наконец, от человека, потрясенного каким-нибудь большим несчастьем до полной моральной апатичности никто не ожидает трудовой активности.

Во всех этих случаях явного нарушения основных свойств труда — физических, умственных, эстетических и нравственных — всякий понимает причину отсутствия трудовых рефлексов, невозможность их проявления, а потому не бывает и речи о лености.

Но как только те же факторы не слишком резко выявлены и ускользают от оценки людей, мало компетентных для понимания сложных и, к сожалению, наукой еще недостаточно углубленных трудовых рефлексов, то на сцену выступает понятие о «лености».

Самый факт, что везде и во все времена леность считалась особым пороком, внушаемым каким-то злым духом, доказывает, насколько большое общественное бедствие представляет это явление. До сих пор недостаточно распространен взгляд, что здесь мы имеем дело не с дьявольским наваждением, а со сложным психо-патологическим явлением.

После того, как мы установили причины, определяющие леность, т. е. ее этиологию, нетрудно наметить в общих чертах и профилактику этой социальной болезни.

Профилактика (предупреждение) лености должна иметь в виду мероприятия в четырех направлениях, соответствующих основным свойствам труда, а именно: физическом, умственном, эстетическом и этическом.

В отношении физических условий труда, помимо выявления нераспознанных органических заболеваний и применения соответствующего лечения, необходимо, чтобы оплата труда и, следовательно, «возможность нормального питания, соответствовала действительным потребностям человека.

Работодатель не имеет права отмахиваться от рассмотрения вопроса, сколько нетрудоспособных едоков находится на иждивении данного рабочего. Помимо личной ставки, каждый рабочий должен получать дополнительное вознаграждение по числу иждивенцев на его попечении, иначе он не будет доедать сам и не сможет проявить надлежащую производительность труда.

Вопрос не так уж фантастичен и даже нов, как это может показаться с первого взгляда. Зачаток этой системы следует усмотреть в том пособии, которое выдается у нас, в советской России, на новорожденных до девяти месяцев. Правда, тут имеется скорее в виду охрана младенчества, чем самого рабочего, но суть дела от этого не меняется. Нужно только удлинить срок выдачи пособия до трудового возраста и возобновить его с утратой трудоспособности по преклонному возрасту. Льготы по квартирной плате,

предоставляемые у нас многосемейным, тоже направлены к осуществлению указанного начала.

Полное практическое разрешение задачи следует искать на путях страховой кооперации. Здесь не место на них останавливаться. Одно можно заранее предвидеть: размеры личных ставок, понятно, понизятся, но зато наступит более рациональное распределение заработков, более соответствующее потребностям каждого.

Если мы действительно находимся на путях к осуществлению коммунизма, то это мероприятие, без сомнения, явилось бы крупным шагом в желанном направлении и вместе с тем было бы одним из наиболее рациональных средств в деле предупреждения лености.

Вторым важным моментом для профилактики лени является умственное развитие. Рабочий, не имеющий общеобразовательной и специальной научной подготовки, не сможет заинтересоваться и увлечься работой, так как она останется недоступной его пониманию. По этой причине он не проявит максимума производительности и будет работать исключительно по нужде, понукаемый техническим и административным надзором. В этой области профилактика лени совпадает с задачами народного просвещения вообще.

Но есть еще одна особенность, которую следует тут отметить. Для профилактики лени не только нужно, чтобы рабочий понимал, что и как делает, но важно также, чтобы работа соответствовала его собственным взглядам и убеждениям. Так, если толстовца заставить отливать пушки и изготавливать военную амуницию, то едва ли работа будет у него спориться. Или, если, примерно, заставить идейного атеиста выделывать иконы, то ему будет стоить больших усилий не стать ленивым. С другой стороны, спросите подпольных революционеров, с каким усердием они набирали свою литературу в тайных типографиях, именно потому, что это дело отвечало убеждениям и взглядам работавшего.

В военном деле у нас, в Советском Союзе, уже признано, что непривлеченца нельзя заставить служить делу обороны. Очередь за промышленностью. Ей нужно приспособиться к учету мыслительных особенностей каждого рабочего, если мы хотим устранить одну из причин лености. Верно, конечно, и то, что для этого нам пришлось бы кое-что изменить в нашем экономическом строе.

Профилактика лени путем эстетических мероприятий заслуживает специального внимания. Сочетать труд с требованиями эстетики не всегда легко и возможно. Сама обстановка работы, примерно, помещение — будь оно даже красиво сооружено и художественно декорировано — перестанет производить впечатление (или даже начнет оказывать обратное, раздражающее действие), если в его стенах будет происходить изо дня в день целыми годами одна и та же монотонная работа.

Здесь уместно отметить, что для эстетической охраны труда кое-что делается.

Меры против отталкивающего вида веществ в некоторых профессиях или против острых и неприятных запахов принимаются и теперь.

На ритмичность движений тоже обращено внимание.

Но то, что совершенно игнорируется, это — *динамика* эстетики, разнообразие труда.

Для современной капиталистической промышленности, как частной, так и государственной, разделение труда стало, можно сказать, своего рода навязчивой идеей, невзирая на вытекающее отсюда чудовищное однообразие труда. О чередовании разного рода труда, где узкая специализация неизбежна, нет и речи. Капиталу мало колоссальных ресурсов природных сил, мало изумительных достижений техники и организации, ему нужно еще совершенно обезличить рабочего, изуродовать всю его психику. В лучшем случае, после восьмичасовой монотонной и нудной работы, когда нервы рабочего притупились от усталости, ему предлагается развлечься в клубах, кинематографах, театрах. Неудивительно, что многие ищут более энергичного возбуждения своих ощущений в алкоголе.

Эстетику нужно дать рабочему не как сладкое, на десерт, а в самом производстве. А у нас все внимание поглощено дифференциацией труда в подражание Западу и Америке.

Играет ли в этом увлечении разделением труда значительную роль рутина и капиталистическая традиция, или тут имеются реальные выгоды, это особый вопрос. Но факт тот, что однообразие труда не может не отразиться вредно на здоровья трудящихся, как однобокое функционирование одних и тех же органов.

Что в этой чрезмерной односторонности труда нет никакой экономической неизбежности, доказывает опыт, сделанный самим Фордом, этим убежденным сторонником механизации живого человека. По-видимому, в случайный момент проблеска здравого смысла и человечности Форд выстроил один вентиляционный завод в земледельческом районе, где у него работают соседние земледельцы, приезжая на собственных автомобилях на несколько часов на завод и вместе с тем не отрываясь от сельскохозяйственного труда на своих фермах.

У нас в России имеются самые благоприятные условия для такого объединения земледельческого труда с промышленным, но, к сожалению, руководители нашей промышленностью, вместо того, чтобы искать практических путей к вовлечению крестьянства в фабрично-заводскую работу без отрыва от сельского хозяйства, всячески стремятся к противоположному. Мне известен один красный директор (он, вероятно, не составляет исключения), который принципиально старается не принимать на работу местных

крестьян, потому что они, уходя в летний отпуск, задерживаются на несколько дней дольше из-за полевых работ.

Наряду с заботами об эстетических условиях, в прямом смысле слова, во время труда, объединение промышленного труда с земледельческим, дополненное сочетанием умственного труда с физическим, явится наиболее благоприятным моментом для охраны эстетических потребностей трудящихся в самом производственном процессе.

Разнообразие в труде так же необходимо для психической гигиены трудящихся, как и разнообразие в пище для его физического здоровья.

Наконец, четвертым, быть может, самым важным моментом в профилактике лености служат этические возбудители труда.

Выше мы видели, каким могучим стимулом является нравственный элемент в трудовых процессах. Сам по себе он способен преодолеть предрасполагающее к лени отсутствие всех остальных трех условий нормального труда.

Но не следует упускать из виду, что интенсивность этого возбудителя, так сказать, обратно пропорциональна его объему.

Без сомнения, человек любит свою семью, своих близких друзей, свой класс, совокупность трудовых классов данной страны или свой народ, другие народы и расы, все человечество, и даже питает симпатии к животным, но это чувство ослабевает по мере расширения его объекта. Готовый реагировать до крайнего напряжения трудовых рефлексов на нужду близких, он не станет выбиваться из сил для лично ему неизвестных людей. Мы в этом убедились за время весьма поучительных социологических опытов, проведенных после Октябрьской революции, когда практика государственного «общего котла» парализовала стимул к труду не только в крестьянстве, но и у рабочих.

Общение людей в самих производственных процессах тоже оказывает существенное влияние на производительность труда. Экономисты отметили это явление, установив, что коллективный труд значительно продуктивнее чисто индивидуального. Но опять-таки нужно оговориться: до известных пределов; постольку, поскольку возможна этическая спайка между участниками труда. В современных крупных капиталистических предприятиях, занимающих сразу тысячи людей, собранных в огромных казармах-мастерских чуждой им всем волей предпринимателя; о такой спайке не может быть и речи. Ибо этический кругозор людей так же ограничен, как и объем их внимания; быть может, первый у значительной части зависит от второго.

Отсюда напрашивается вывод, что наиболее благоприятной формой производства для устранения или умаления лености должно быть мелкое децентрализованное производство. Оно прочнее и в экономическом отношении. Устойчивость крестьянского хозяйства, несмотря на его техниче-

скую отсталость, служит тому доказательством. То же самое можно сказать о кустарной промышленности, которая выручила Россию в период блокады и экономической разрухи. Способна ли кустарная промышленность к техническому усовершенствованию, объединению и развитию в формах производственных артелей — это вопрос из области приложения этики к организации труда, или этотехники; не стану на нем останавливаться. Отмечу лишь здесь, что марксисты, ставящие в основу общественных форм технику производства — орудия труда — должны были бы стать в нашу эпоху сторонниками децентрализации промышленности, ибо причиной возникновения крупных капиталистических фабрик и заводов был громоздкий, дорогой, неподвижный паровой двигатель. Теперь, благодаря электричеству и двигателям внутреннего сгорания, механическая двигательная энергия, этот нерв всякого промышленного труда, стала доступной даже ремесленнику-одиночке. В наступившей полосе истории техническая децентрализация промышленности должна постепенно взять перевес над ее укрупнением по мере того, как электричество будет вытеснять пар. Этому будет благоприятствовать и то, что данная экономическая форма наиболее благоприятна для проявления этического стимула к труду. Во всяком случае, децентрализация промышленности является одним из наиболее важных условий в профилактике лености. Это не значит, однако, что промышленность должна быть распылена. Техническая децентрализация не исключает хозяйственного объединения (союза) на кооперативных началах.

В заключение, мы видим, что проблема профилактики лености не только психо-физиологическая, но и социальная.

Когда противники социальной революции утверждают, что человек ленив и что без принуждения он не станет работать, а потому свободный коммунизм невозможен, то этим они, без сомнения, проявляют лишь свое невежество.

Леность есть следствие ненормальных условий труда. Я постарался выявить главнейшие из этих условий. Искоренить их в полной мере можно коренным преобразованием общества. Последнее нельзя совершить нахрапом. Тут возможны ценные мероприятия в порядке психической охраны труда. Изучение лености нам даст указания, какие мероприятия возможны и в какую сторону они должны быть направлены.

Настоящий краткий очерк не претендует исчерпать вопрос, а лишь обратить внимание на необходимость более углубленного и детального его изучения.